

Шла рядом со своим будущим мужем, гордо расправив плечи и высоко подняв подбородок.

Я не помню, как доехал до Кисловодска. Кажется, ко мне кого-то подселили. Кажется, я с кем-то разговаривал. Не помню. Я был весь во власти той ночи и не желал покидать её, хотя солнце давно уже было в зените. День разлучил нас.

Иногда мне кажется, что всё это было не со мной. Может, это просто плод фантазии? В такие минуты я достаю из нагрудного кармана белоснежный носовой платок. Провожу пальцами по вышитым инициалам С. И. Д., пытаюсь вдохнуть аромат духов, который, конечно же, давно выветрился. Но я его чувствую. Так же, как явственно вижу блеск её глаз и рассыпанные по белым плечам чёрные волосы.

* * *

– Родион Викторович, вы сколько уже работаете на железной дороге?

– Третий десяток.

– И не надоело?

– Нет, Веня, не надоело.

– А я не смог бы так долго заниматься одним и тем же делом. Я вот только этот год поработаю и всё, мне для практики нужно.

Я киваю. Сколько за эти годы сменилось напарников и напарниц! Сколько сотен тысяч километров я проехал? Сколько часов проведено под мерный стук колёс. Никогда не узнать, не сосчитать и не измерить. Да мне и не надо. Я нахожусь там, где я счастлив. И всякий раз, собираясь в рейс, надеюсь, что вдруг встречу Ингу. Но, конечно, это просто мечты.

Тот день разлучил нас.

148

У каждого своё поле...

два рассказа

СМЕШЛИВАЯ девчушка сидела на обшарпанном диване, укрытом разноцветным покрывалом. С краёв свисала разлохматившаяся бахрома. Местами она была заплетена в косички, а кое-где отсутствовала вовсе. Покрывало было старенькое, как и сам диван, и дом, в котором он стоял. Помимо девочки, на диване расположилась большая миска вишни и маленькое блюдце для косточек. Девчушка выбирала пальчиками крупные ягодки, отправляла в рот, причмокивая от удовольствия.

В полутора метрах от дивана за кухонным столом хлопотала бабушка. Не

смотря на пышность форм и кажущуюся неповоротливость, успевала перемешивать варенье, снимать пенку с бульона и чистить картошку. Не забывала поглядывать на внучку, с аппетитом поедавшую бордовые ягоды.

В кухню из двери, ведущей в другую комнату, вошёл кот. Был он обладателем мускулистого тела и большого самомнения, читавшегося во взгляде жёлтых глаз. Огляделся, поводит усами, дёрнул кончиком хвоста и потёрся о бок дивана.

– Аля, ты бы не трогала Ваську, у тебя пальчики липкие, шерстинки на-

липнут, а потом в рот потащишь, – сказала бабушка, завидя, что внучка уже потянулась ручками к хвосту-трубе.

– А что потом?

– Шерстинки попадут в животик, и он будет болеть.

– А Васька что, грязный?

– Конечно! Он где только не лазит, всё это на себе тащит.

– А где он лазит?

– По чердаку, в сарае. А там пыльно и мыши.

– А зачем он лазит? Ему, что ли, молока не хватает? Или он любит пачкаться?

– Да бог его знает! Мышей давненько не ловил, обленился. А бывало, по три штуки в день таскал. Сейчас, наверное, пыль собирать лазит.

– А зачем мы его такого грязного в дом пускаем?

– Он умывается лапками и язычком. Для кота достаточно, а вот для человека – нет.

– Ой, бабуля, он в меня коготочком вцепился.

– Играть, наверное, хочет. Васька, а ну-ка, брысь! Руки-то у меня заняты, а то прогнала бы поганца. Царапнул, Аля?

– Нет, отпустил. Бабуля, а зачем Васька мои волосы жуёт? Я вот вчера спать легла, а он забрался на подушку и давай их жевать, щекотно так!

– Не знаю, милая, может, они вкусно пахнут? Ты вчера блины со сметаной ела, ручками волосы поправляла, вот, поди, и осталась сметана на волосах. А коты сметану привечают. Ты гони его в следующий раз.

Девчушка продолжала есть вишню, разбрызгивая сок. Васька запрыгнул на диван, и Аля, пока не видит бабуля, потянулась носом к коту. Тот не заставил долго себя ждать – боднул крепким лбом.

– Ой, бабуля, он бодается, как козлик.

– Играть, поди, хочет. Вот ведь проказник в детстве не наигрался!

– А что у Васьки тоже было детство? – воскликнула девчушка, распахнув глазёнки.

– А то! Детство у всех было, Алечка.

– А когда оно у него было?

– Когда котёнком был, ты ещё не родилась, милая.

– Ой, так давно! Мне-то уже шесть лет, я большая. А Васька, значит, старенький.

– Старенький. Почитай двенадцатый год ему пошёл. А по нашим годам – семьдесят восьмой.

– У-у-у... Какой старый. А тебе сколько лет?

– Семьдесят один.

– Васька, значит, старше?

– Старше, да.

– Значит, он умрёт раньше?

– Не знаю, милая.

– А мы Ваську на кладбище похороним?

– Нет, Аля, на кладбище только людей хоронят. В посадках похороним.

– Не хочу в посадках! – воскликнула внучка, и в голосе зазвенели слезинки.

– Алечка, не плач. Васька-то ещё жив-здоров, умирать не собирается.

– Ну ладно, не буду пока, – согласилась девочка. – Васька об ножку мою трётся, такой гладенький. – Девочка не смотря на бабушкины слова, тёрлась плечом, локтем о серый кошачий бок. Васька лишь урчал.

Вскоре коту надоело внимание юной хозяйки, он бесшумно спрыгнул на пол, упёрся передними лапами в пол и сладко потянулся.

– Бабуля, а Васька-то какой длиннющий!

– Ещё бы прок от этого был, – проворчала женщина.

Но кот её уже не слушал – прошмыгнул мимо развивающейся тюли, бросил напоследок короткое «мяу» и был таков.

* * *

Осматривая двор хозяйским взором, кот направился в сарай. Обошёл его, заглядывая в каждый угол. Иногда

останавливался и недовольно дёргал хвостом, чуть шипел. Подошёл к лестнице, запрыгнул на первую перекладину. Собрался с силами и оттолкнулся, зацепился передними за третью. Опять собрался с силами. Так и до самого верха залез. Не стал долго ходить – по натопанной дорожке пробрался к стогу сена, той его части, откуда из щелей виден весь двор. Лёг на забытую когда-то хозяевами тужурку и прищурил глаза.

«Ох уж эти люди! Болтают, чего сами не знают. Шерстинки ей мои не понравились, в живот попадут... Посмотрел бы я на тебя, кабы ты узнала, что шерстинки эти в себе мою силу несут. А сила эта внучку твою защищает! От чего защищает? Видела бы ты, женщина, от чего, не трепала бы попусту языком. Вы, люди, очень ограниченные. Глядишь на вас, вроде большие и умные. А иной раз такую глупость творите.

Вот на кой ляд ты Алю к соседке повела? Известно же, у ней глаз дурной. Ан-нет, повела, да ещё чаем там напоила с пирогами. А что пироги те с душиком и не почуяла. Соседка, змеюка, пуще крысы, а ты к ней дитя ведёшь. И кабы не моя защита, то так и налипло бы на неё всяко-разно, а ты потом на Васькину шерсть наговаривала бы. Твоя внучка моей силой насквозь пропитана, оттого и не страшны ей злые люди. И когтём, думаешь, царапаю, потому что играть хочу? Наивная! Что само уходить не хочет, то силком сгоняю».

Заслышав во дворе шум, кот приподнял уши, прислушался. Соседка пришла, не та, что змеища подколодная, а добрая: иной раз рыбки ему подкинет. Пришла на здоровье жаловаться. А хозяйка рада пожалеть. Так и хочется крикнуть: «Да что же ты делаешь, бестолковая! Пока жалеешь, её хворь себе забираешь. Сколько же мне лечить тебя можно? Говоришь, что голова у тебя болит, ноги, а сама это нытьё слушаешь. Говоришь, что большой я, а толку от меня нет. Так будь на моём месте замухрышка-кот, и года с тобой не прожил бы! Жалуешься, что тяжело, когда я

на тебе лежу, сгоняешь, а когда совсем худо, то доходит до тебя – хворь я забирю. Да что толку, если сама на рожон лезешь? Так глядишь и дожила бы до ста, ну или сколько там по вашим людским меркам считается долгим. Странные люди, всё измеряют цифрами, а не смыслами... Не понять их. А уж им нас и подавно!»

Кот почесал лапой за ухом, зевнул, продолжив размышления: «А какую чушь ляпнула про волосы! Ну, кто бы до такого ещё додумался: сметану я с волос жевать буду, ага. Не помнишь уже, как от мамки меня забирала? Как плакал я ночами, ища её сосок. Сейчас всё, что вкусно пахнет, мне о ней напоминает. А дети пуще всего. И не потому, что сметану едят, а потому как не пропала в них та любовь чистая, которая только в детстве бывает. Когда любят без оглядки. О своей мамке вспоминаю я, когда урчу в детских волосах.

Кстати, о жизни. Вернее, о смерти. С чего это ты взяла, что я позволю хоронить себя где-то в посадках? Вот ещё!

Не любим мы, коты, когда неживое рядом с живым. Мы свой переход загадочно чует, готовиться начинаем. Как готовиться? Главное – преемника после себя оставить. Повежёт, так нашей же породы хозяин в доме останется. А нет, так Домовой приглядит. Ну в крайнем случае – пёс, хотя с него какой прок, ежели на цепи сидит?

Вот когда преемника достойного найдём, тогда уж и уходим. Не надейся хоронить меня. Я себе местечко давно приметил. На краю большого светлого поля, над оврагом, где кусточки растут можжевельника, собаки там не лазают, мыши не жалуют. Ходил туда, подготовил. Да, у каждого своё поле, своё место... Скоро, совсем скоро уйду, лягу там, замедлюсь, сам не замечу, как засну на краю полянка, усеянного цветами и овечьим вольным ветром. Не переживай, первое время пригляжу за домом. Уверюсь, что всё правильно, и уйду. И Алечка твоя не заметит перехода. Почему? А вот не скажу, придёт

время – узнаешь... Недолго ждать-то осталось...»

Ворча и бормоча, кот задремал. А как щёлкнуло внутри «пора» встрепенулся, будто мышь слышал. Спустился по ступеням, осматривая владения, пошёл за ворота...

– Бабуля, бабуля, гляди какой котёночек!

– Где?

– Да вон же, под лавкой. – Аля подбежала к старенькой скамье, что у калитки. – Кис-кис-кис, иди ко мне.

Котёнок прижался к земле и украдкой посмотрел на дерево. Большой серый кот, сидевший неприметно на ветке, моргнул, приободряя. Малыш несмело сделал шаг к девочке.

– Бабуля, он меня не боится! Смодри, сам ко мне пошёл! Милый какой...

– Милый, конечно. Но, наверное, у него и хозяева есть. – Женщина огляделась, надеясь найти кошку или того, кто ищет хвостатого. Но улица была пуста.

– Бабуля, это мой котёнок! Он ко мне пришёл, смотри, я его на руках держу, а он мурлычет. Он меня совсем не боится, хотя кроха.

– Аля... – начала было бабуля, но по жалостливому взгляду внучки поняла – эту битву ей не выиграть. – Алечка, а как же Вася? Он же обидится, расстроится, что у нас новый котёнок.

– Нет, Васька умный, он всё поймёт!

– Неси тогда в дом своего котёнка. Назовёшь-то как?

– Лопушок. Он, видишь, какой лопухий и лапушка.

– Вижу... Как уж не лапушка! Все они такие, пока маленькие. Эх, не было забот!

Как Аля сказала, так и вышло: Лопушок пришёл в дом, будто всегда здесь жил. Васька по-отечески наставлял малыша: то тумака даст, то вылижет, то приобнимет, то прикусит. Лопушок всё ходит за ним неотступно, как телок за мамкой.

А как жаркий июль наступил, так Васька стал чаще в Алиных волосах засыпать, пожуёт, помнёт и задремлет. Лопушок же – Алин любимец – к бабке на ночь перебирается.

Жарким июльским утром ткнулся Васька холодным носом в Алину щёку, потёрся о хозяйскую ногу, обменялся многозначительным взглядом с Лопушком и проскользнул за ворота...

* * *

В 2018 году, чуть дальше, чем середина июля, мой папа ушёл из дома. Ушёл, чтобы больше не вернуться.

И все эти годы меня не покидает ощущение, что он сделал это намеренно. Не желая, чтобы в доме, где кипит жизнь, находилось уже неживое тело.

– У нас всё хорошо, папа!

